

**ДВЕ КОНЦЕПЦИИ СВОБОДЫ ИСАИИ БЕРЛИНА
И ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО ДОЛГА И ПРАВ**

Е. А. Баженова

*Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых*

Поступила в редакцию 23 марта 2021 г.

Аннотация: *в статье предпринимается попытка рассмотреть противоречие между правами и общественным долгом индивида сквозь призму концепций негативной и позитивной свободы, предложенных Исаией Берлином. Сегодня политическая философия предлагает аргументы в поддержку утверждения о возможности совместить негативную свободу и служение обществу. Тем не менее возможность примирения противоречий между правами индивида и его долгом перед обществом всё еще остается под вопросом.*

Ключевые слова: *права человека, общественный долг, негативная свобода, позитивная свобода, Исаия Берлин.*

Abstract: *the article attempts to discuss the contradiction between the rights and public duty of the individual through the lenses of the concepts of negative and positive liberty, proposed by Isaiah Berlin. Today, political philosophy offers arguments in support of the assertion about the possibility of making compatible negative liberty and service to society. Nevertheless, the possibility of reconciling the contradictions between the rights of the individual and his duty to society is still called into question.*

Key words: *human rights, public duty, negative liberty, positive liberty, Isaiah Berlin.*

Философия со времен античности стремилась дать обоснование гражданским добродетелям и обязанностям индивида перед обществом, прибегая для этого чаще всего к естественно-правовой аргументации. В эпоху Средневековья и еще больше – в Новое время, когда распространилась концепция прав, философская мысль обратилась к ее теоретическому обоснованию, и вновь его предоставило естественное право [1, с. 79]. Уже Жак Маритен сожалел о невозможности подыскать другое слово, поскольку теория была основательно дискредитирована как позитивистами, так и самими ее сторонниками. Во многом эту дискредитацию Маритен связывает с искаженным пониманием свободы, возобладавшим после XVII столетия [там же, с. 81].

Суть искажения, о котором говорит Маритен, можно несколько вольно выразить в терминах перехода от преобладания позитивной концепции свободы в политико-философском дискурсе к преобладанию негативной концепции свободы. Хотя терминология негативной и пози-

тивной свободы была предложена Исайей Берлином лишь в 1958 г. в эссе «Две концепции свободы», она хорошо объясняет суть разногласий между теоретиками свободы, существовавших с древности, но обострившихся в Новое время.

О свободе в негативном смысле говорят, согласно Берлину, когда стремятся ответить на вопрос: «Насколько широко пространство, в рамках которого субъект – лицо или группа лиц – делает или должен иметь возможность делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, без вмешательства со стороны других людей?». Свобода в позитивном смысле предполагает ответ на вопрос: «Что или кто является источником контроля или вмешательства, способным определять, что кто-либо совершает скорее одно, нежели другое, или является скорее одним, нежели другим?» [2, p. 169].

Классические либеральные философы придерживались негативного понимания свободы. «Свободный человек, – писал Гоббс, – это тот, которому никто не мешает делать то, что он хочет делать» [ibid., p. 170, footnote 3]. Закон – это всегда «оковы», даже если он защищает от деспотизма и хаоса.

Либеральные мыслители подразумевали, что должен существовать некий минимум личной свободы, который ни в коем случае не подлежит нарушению [ibid., p. 173]. Для проведения границы между частной сферой и областью властного вмешательства сторонники негативной свободы использовали понятие индивидуальных прав, а разногласия по поводу того, где проходит эта граница, находили отражение в спорах о конкретном составе каталога прав, защита которых необходима, если мы не хотим допустить, пользуясь словами Кондорсе, «разрушения или отрицания нашей человеческой природы» [ibid.]. Некоторые исследователи и сегодня считают понятие субъективных прав необходимым спутником негативной концепции свободы [3].

Понятие позитивной свободы соотносится с желанием человека быть господином самому себе, принимать решения согласно своему разумению и быть свободным от внешнего давления, в том числе от диктата собственной природы и страстей. Позитивная свобода предполагает расколотую личность, в которой «разумное», «свободное», «подлинное» и т. п. начала доминируют над иррациональными импульсами [2, p. 179]. Опасность, по мнению Берлина, наступает тогда, когда «подлинное» *Я* начинает восприниматься как нечто более широкое, чем эмпирический индивид, – как племя, церковь, государство и т. п., – социальное «целое», которое, навязывая свою коллективную, «органическую» единую волю непокорным участникам, принуждает их ради их же блага, как если бы они, будучи более просвещенными, чем сейчас, сами пожелали преследовать цели, которые им сегодня навязываются [ibid., p. 179–180].

Современная полемика между сторонниками республиканизма и либерализма проливает свет на соотношение негативной и позитивной свободы, а также на ее взаимосвязь с понятиями общественного долга и прав. Как пишет теоретик республиканизма Квентин Скиннер, сто-

ронники негативной свободы часто критикуют два утверждения, время от времени защищавшиеся теоретиками позитивной свободы: «Одно из этих утверждений заключается в том, что индивидуальная свобода может быть обеспечена только в некотором самоуправляющемся сообществе. В самой решительной форме это заявление о том, что (как это высказал Руссо в «Общественном договоре») поддержание личной свободы зависит от выполнения общественных обязанностей. Другое, связанное с этим, утверждение, также атакуемое негативными теоретиками, – то, что качества, необходимые для каждого гражданина, чтобы успешно выполнять эти гражданские обязанности, – это гражданские добродетели. Снова в самой смелой формулировке (как это делает Спиноза в «Политическом трактате») это тезис о том, что свобода предполагает наличие добродетелей, и только обладающие добродетелями действительно (или полностью) способны обеспечить свою собственную индивидуальную свободу» [4, с. 158]. Данные утверждения рассматриваются сторонниками негативной свободы как парадоксальные и противоречивые, поскольку свобода в их понимании несовместима с обязательствами и ограничениями, включая самоограничения.

По традиции, идущей от Платона и Аристотеля, в античной и средневековой мысли воспитание гражданских добродетелей считалось поведением, находящимся в согласии с разумным (превосходящим иные, подлинным) началом в человеческой природе. Следуя этому ходу мысли, теоретики позитивной свободы считают свободными действия индивидов, в которых те стремятся к развитию и реализации подлинной человеческой природы, а значит, к объективному идеалу процветания человека [там же, с. 160]. Берлин отрицательно настроен в отношении метафизических допущений, лежащих в основе такого понимания: «Утверждать, что в некоем конечном, всё примиряющем синтезе долг равнозначен интересу, а индивидуальная свобода – чистой демократии или авторитарному государству, означает набрасывать метафизическое одеяло либо на самообман, либо на сознательное лицемерие» [2, р. 216].

Тем не менее Берлин и другие теоретики негативной свободы не отрицают, что если бы была возможность наполнить содержанием идею объективного человеческого процветания, тогда мы могли бы сделать осмысленной теорию, соединяющую понятие индивидуальной свободы с проявлением гражданских добродетелей в служении обществу [4, с. 162]. Так, Джеральд МакКаллум, предложивший негативную по сути своей концепцию свободы как триадического отношения – независимости *кого-то* (субъекта или субъектов), *от* чего-то, *для того чтобы* делать или не делать, становиться или не становиться кем-то, пишет: «Только когда мы определим, от чего индивиды освобождаются и что они становятся свободными делать (или кем они становятся свободными быть), мы сможем оценить роль свободы от этого (чем бы оно ни являлось) для чего-то другого (чем бы оно ни было) с точки зрения человеческого счастья и самореализации» [5, р. 329].

Квентин Скиннер считает данное представление ложным и обращается к «Рассуждениям о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли за доказательствами этой ложности. Макиавелли, пишет Скиннер, обсуждает вопрос о свободе в контексте целей, которые граждане обычно пытаются реализовать в любом политическом сообществе. Богатые и могущественные *grandi* стремятся к власти и славе, а обычные граждане (*plebe* или *popolo*) хотят жить в безопасности и без помех пользоваться своей собственностью [4, с. 169–170]. Чтобы преследовать эти цели, обе группы граждан нуждаются в свободе.

Центральный тезис Макиавелли заключается в том, что граждане могут надеяться сохранить свободу реализовывать свои намерения только в сообществе, которое «живет свободной жизнью» [там же, с. 172]. Это самоуправляемое сообщество, для которого лучше всего подходит республиканская форма правления. Тезис Макиавелли явно расходится с мыслью Гоббса, согласно которой «будет ли сообщество монархическим или народным, свобода остается той же» [там же, с. 173].

Для защиты свободы от внешних угроз и чрезмерных амбиций *grandi* гражданам нужны такие качества, как практическая мудрость (рассудительность, благоразумие), мужество (ярость, дисциплинированная настойчивостью) и умеренность (способность действовать в соответствии с порядком). Неумеренные и нарушающие порядок методы ведут к тирании [там же, с. 178].

Скиннер заключает, что свобода сообщества и свобода индивида неразделимы. Если сообщество не будет находиться в состоянии свободы (т. е. самоуправления), граждане тоже не смогут свободно преследовать свои цели. «Основания для такого заключения в том, что как только «политическое тело» теряет способность действовать в соответствии с общей волей и становится объектом воли либо своих амбициозных *grandi*, либо властолюбивых соседей, с гражданами начинают обращаться как со средствами в достижении целей их хозяев, и они теряют свободу преследовать собственные цели» [там же, с. 179].

Итак, для Макиавелли отправным пунктом являются не подлинные человеческие интересы, но просто описание предрасположенностей, склоняющих людей к выбору различных целей и попыткам их реализовать. Однако свободно преследовать эти цели возможно лишь при условии выполнения общественных обязанностей и культивирования необходимых для этого добродетелей [там же, с. 184].

Свобода в интерпретации республиканцев отличается от позитивной свободы, как ее описывал и критиковал Берлин. Во-первых, республиканская свобода не сводится к добродетельному политическому участию; скорее, такое участие рассматривается инструментально по отношению к свободе как отсутствию доминирования. Во-вторых, республиканская свобода не может вести к подавлению, которого опасался Берлин, поскольку суть этой концепции – в приверженности принципу недоминирования, которое обеспечивается либерально-демократическими институтами, встроенными в концепцию [6].

Интерпретация республиканцев, как видим, избавляет понятие добродетели от его метафизического основания – концепции подлинных человеческих интересов, или сущности, или природы человека, превращая добродетельное поведение в прагматический индивидуальный выбор. Но одновременно Скиннер отвергает идею о том, что негативная свобода неразрывно связана с понятием прав [4, с. 184–185]. Считать субъективное право лучшим способом обеспечения личной свободы, по мысли Скиннера, – высшее проявление неблагоразумия, ведь благоразумный человек понимает, что степень его свободы напрямую зависит от преследования им «общего блага за счет чисто индивидуалистических и частных целей» [там же, с. 185].

Скиннер исходит из противоположности индивидуальных прав и общественного долга. Возможно ли предложить обоснование прав, которое, с одной стороны, примиряло бы это противоречие, а с другой – было бы свободно от обвинений в метафизическом характере?

Сам Берлин обосновывает свое представление о минимуме индивидуальных прав путем обращения к эмпирической версии аргумента от естественного права, утверждая, что существование «естественных прав» основано на том, как устроены люди, ментально и физически. Попытаться изменить или ограничить человеческую жизнь тем или иным способом равнозначно, по Берлину, блокированию желаний, целей, устремлений, внутренне присущих человеческому существованию [7]. Такой аргумент представляется уязвимым для критики, поскольку, во-первых, не предоставляет способа справиться с неопределенностью, характерной для категории человеческой природы, и, во-вторых, не пытается соотнести права с общим благом и, следовательно, открыт для обвинений в поощрении эгоизма.

Интересно, что не все республиканцы отвергают права человека. Так, М. Н. С. Селлерс пишет, что республиканская концепция свободы рассматривает права как основу человеческого процветания, которая должна быть обнаружена путем общественного обсуждения и размышлений относительно человеческой природы, личной независимости и надлежащей структуры правительства. Существование республики (*res publica*) подразумевает *res privata*, защищаемую законами государства [8, р. 104]. Республиканцы придают большое значение вопросу о том, какая комбинация властей в обществе или какая форма правления обеспечивает принятие хороших законов, их беспристрастное применение и честную интерпретацию, чтобы граждане могли непрерывно пользоваться преимуществами этих законов. Либералы, по мнению Селлерса, отличаются от республиканцев тем, что отказываются отвечать на этот вопрос. Их требование естественных прав как защиты от правителей требует существования истины о справедливости и природе человека. Однако либеральная тактика компромисса с властью уменьшает их способность ставить под вопрос произвольные властные решения [*ibid.*, р. 109].

Думается, что соединение обсуждения прав с размышлениями, с одной стороны, об общем благе и обязательствах индивида перед об-

ществом, а с другой, – об институтах, способных обеспечить сосуществование и реализацию как прав, так и общего блага, способно улучшить наше понимание прав и их современной критики.

Литература

1. *Маритен Ж.* Человек и государство / Ж. Маритен ; пер. с англ. Т. Лифинцевой. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 196 с.
2. *Berlin I.* Two concepts of liberty / I. Berlin // *Liberty* / ed. by H. Hardy. – Oxford and New York : Oxford University Press, 2002. – P. 166–217.
3. *Straumann B.* Is modern liberty ancient? Roman remedies and natural rights in Hugo Grotius's early works on natural law / B. Straumann // *Law and History Review*. – 2009. – Vol. 27 (1). – P. 55–85.
4. *Скиннер К.* Идея негативной свободы : философские и исторические перспективы / К. Скиннер ; пер. с англ. С. Моисеева // *Логос*. – 2013. – № 2 (92). – С. 155–186.
5. *MacCallum G. C.* Negative and Positive Freedom / G. C. MacCallum // *The Philosophical Review*. – 1967. – Vol. 76 (3). – P. 312–334.
6. *Carter I.* Positive and negative liberty / I. Carter // *The stanford encyclopedia of philosophy*. winter / ed. by E. N. Zalta. – 2019. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/liberty-positive-negative/>
7. *Cherniss J.* Isaiah Berlin / J. Cherniss, H. Hardy // *The stanford encyclopedia of philosophy*. fall / ed. by E. N. Zalta. – 2020. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/berlin/>
8. *Sellers M. N. S.* The sacred fire of liberty. Republicanism, liberalism and the law / M. N. S. Sellers. – London : Palgrave Macmillan, 1998. – 201 p.

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Г. Г. Столетовых

Баженова Е. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

Bazhenova E. A., Candidate of Law, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com